

Swietłana Waulina, Irina Ostrowierchaja

Модальные средства экспликации "мысли семейной" в романе Льва Толстого "Анна Каренина"

Acta Polono-Ruthenica 12, 189-197

2007

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Swietłana Waulina, Irina Ostrowierchaja
Kaliningrad

Модальные средства экспликации „мысли семейной” в романе Льва Толстого *Анна Каренина*

Творческий замысел автора произведения, характер отображаемой действительности, индивидуально-авторские мировоззренческие установки, особенности художественного мышления автора текста, а также осознанное или неосознанное отношение к языку, его потенциалу, нормам определяют принципы отбора языковых единиц и организации речевой структуры литературно-художественного произведения. Использование языковых средств в тексте: фонетических, грамматических (морфологических и синтаксических), лексических – полностью зависит от воли автора, его индивидуального стиля¹. Для современного этапа развития филологической науки, по меткому выражению Николая Шанского, характерен анализ языковых средств „под лингвистическим микроскопом”² с целью выявления их роли и функций в идейно-тематическом содержании текста. Слово в художественном тексте „обладает наибольшей структурной, конструктивной, смыслонакопительной и кумулятивной силой”³, „в слове объективируется ценностная мысль писателя о его мире, его чувства, оценки”⁴. „В любом художественном произведении большого писателя, — отмечал Рубен Будагов, — важно и что он хочет выразить, и как он хочет выразить”⁵. Творчество великого русского национального писателя Льва Толстого показательны в плане изображения личности, ее духовного мира. Свообразие идиостиля писателя, как известно, состоит в том, что он дает свою оценку изображаемому с точки зрения соответствия — несоответствия

¹ См., например: Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин, *Лингвистический анализ художественного текста*, Екатеринбург 2000.

² Н.М. Шанский, *Художественный текст под лингвистическим микроскопом*, Москва 1986.

³ Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин, *op. cit.*, с. 325.

⁴ Д.М. Пощення, *Образ мира в слове писателя*, Санкт-Петербург 1995, с. 69.

⁵ Р.А. Будагов, *Писатели о языке и язык писателей*, Москва 2001, с. 334.

его представлениям об идеале. Роман *Анна Каренина* особо значим в плане выявления взглядов Толстого на идеал семейной жизни, в плане показа губительных для семейного счастья сил, в плане выражения ценностных аспектов жизни человека. Указанные аспекты жизни человека, его видение семейного счастья и несчастья в немалой степени реализуются в романе *Анна Каренина* через модальные средства, наделенные способностью выражать такие важные жизненные представления литературных героев, как „могу”, „хочу”, „должен”, „могу и хочу”, „могу и должен”, „и могу, и хочу, и должен”.

Толстой, как отмечает Роза Алимпиева, показывает „с одной стороны, семью, любовь, долг, с другой, — не различающую границ между добром и злом страсть, концентрирующую в себе заряд огромной разрушительной силы, сметающей все на своем пути”⁶. И носителем этой разрушительной силы является прежде всего главная героиня романа — Анна Каренина.

Целью данной статьи является установление функциональной роли экспликаторов модального значения возможности в раскрытии связанных с „мыслью семейной” взглядов Анны Карениной, трагически действующих как на окружающих ее людей, так и на себя саму. Выявление текстовой значимости экспликаторов модального значения возможности применительно к образу Анны Карениной рассматривается нами через отношение Анны к мужу, к Вронскому, к детям.

Отношение Анны к мужу. С помощью глагола *сознать*, имплицитно выражающего инвариантную интрасубъектную возможность, Толстой показывает, что исходными позициями семейного союза Анны и Каренина являются притворство и отсутствие любви. Причем использование при глаголе *сознать* эмоционально-оценочных наречий *ясно* и *больно*, служащих контекстными детерминаторами обозначенной модальной семантики, позволяет Толстому наиболее адекватно передать полноту ощущения Анной связывающей ее и мужа лжи. Ср.: „Чувство то было давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства, которое она испытывала в отношениях к мужу; но прежде она не замечала этого чувства, теперь она ясно и больно *сознала* его” (117)⁷.

⁶ Р.В. Алимпиева, *Концепты „семья”, „любовь”, „долг” в романе Л.Н. Толстого „Анна Каренина”*, [в:] *Lew Tolstoj i kultury słowiańskie. Polsko-wschodniosłowiańskie dziedzictwo kulturowe*, Olsztyn 2005, s. 193.

⁷ Здесь и далее в скобках указывается страница текста романа *Анна Каренина*, на которой зафиксирован приводимый пример.

На способность Анны сохранять ложь, наиболее ярко проявившуюся в сцене объяснения Анны с Карениным после ее фривольного поведения в салоне у Бетси, вызвавшего негативное мнение света, указывает отрицательное местоимение *ничего*, актуализирующее частное значение экстрасубъектной возможности ‘(не) иметь возможность выполнить действие (в связи с наличием объективных обстоятельств)’, а также реализующий инвариантную интрасубъектную возможность тройной дистантный повтор глагола *(не) понимать*. Ср.: „Решительно ничего *не понимаю* [...]. Ничего *не понимаю*. Ах, боже мой, и как мне на беду спать хочется!” (164); „Алексей Александрович, право, *я не понимаю*, – сказала она. Определи, что ты находишь...” (164); „*Мне ничего говорить*. Да и... – вдруг быстро сказала она, с трудом удерживая улыбку, – право, пора спать” (165).

Полисемантический модификатор *мочь* и репрезентирующий модальное значение интра-экстра-субъектной комбинаторности модификатор *успеть* раскрывают эволюцию чувств Анны к мужу, заключающуюся в переходе от притворства к ненависти, страху, раздражению и физическому отвращению. Ср.: „Я слушаю вас [Каренина – С.В., И.О.] и думаю о нем [о Вронском – С.В., И.О.]. Я люблю его, я его любовница, *я не могу переносить*, я боюсь, я ненавижу вас...” (235–236); „Анна боялась его [Каренина – С.В., И.О.], тяготилась им и *не могла смотреть* ему прямо в глаза” [462–463]; „Да уж я сказала, так что же повторять? – вдруг перебила его Анна с раздражением, которое *она не успела удержать*” (467); „Она тревожно играла кистями халата, взглядывая на него с тем мучительным чувством физического отвращения к нему, за которое *она упрекала себя, но которого не могла преодолеть*” (468); „Я ненавижу его за его добродетель. *Я не могу жить* с ним. Ты пойми, его вид физически действует на меня, я выхожу из себя. *Я не могу, не могу жить* с ним” (470).

То, что Анна, чудом выжившая после родильной горячки, прощенная Карениным и получившая от него освобождение, вспоминает о чувстве долга перед мужем, Толстой передает с помощью модификаторов *мочь* и *хотеть*, реализующих семантическую сращенность ‘возможность + желательность + необходимость’, а также посредством глагола *страдать*, имплицитно актуализирующего указанную семантику. Ср.: „Стива говорит, что он [муж Анны – С.В., И.О.] на все согласен, но *я не могу принять* его великодушие...” (480); „Я неизбежно сделала несчастье этого человека, – думала она, – но *я не хочу пользоваться* этим несчастьем; *я тоже страдаю и буду страдать*: я лишаюсь того, чем я более всего дорожила, – я лишаюсь

честного имени и сына. *Я сделала дурно и потому не хочу счастья, не хочу развода и буду страдать позором и разлукой с сыном*” (510). Вуалированность представления глаголами *мочь, хотеть, страдать* семы „долг” свидетельствует, на наш взгляд, о вуалированности осознания Анной своего долга перед мужем. Глагольная словоформа *не страдать*, выступающая в оппозиции к обозначенным средствам и имплицитно актуализирующая значение ‘не быть в состоянии выполнить действие’, подчеркивает фальшивость ощущения Анной чувства долга перед Карениным. Ср.: „Но, как ни искренно хотела Анна страдать, *она не страдала*” (510).

Отношение Анны к Вронскому. Используя глаголы *мочь* и *забывать*, выражающие частное значение интрасубъектной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, а также глагол *успеть*, актуализирующий внутрисловополюсное совмещенное значение интра-экстрасубъектной комбинаторности, Толстой показывает, что Анна испытывает к Вронскому всепоглощающую, лишаящую разума страсть, а не любовь в созидательном смысле этого слова. Ср.: „Страсть, связывавшая их, была так сильна, что *они* оба *забывали* обо всем другом, кроме своей любви” (204); „Анна готовилась к этому свиданию, думала о том, что она скажет ему, но *она* ничего из этого *не успела сказать*: его страсть охватила ее. [...] Его чувство сообщилось ей. Губы ее дрожали так, что долго *она* не могла ничего *говорить*” (479).

Экспликатеры модального значения возможности „сигнализируют” также о том, что страсть, существующая между Анной и Вронским, не подкреплена взаимопониманием. Так, например, уже в сценах, описывающих время, предшествующее совместной жизни героев, с помощью глаголов *мочь* и *догадываться*, эксплицирующих частное значение интрасубъектной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, Толстой обнажает отсутствие понимания между героями, главной причиной которого является сын Анны. Ср.: „*Она* опять хотела сказать: сына, но *не могла выговорить* этого слова. [...] *Он* [Вронский – С.В., И.О.] *не догадывался*, что главная причина этого было то слово сын, которого *она* не могла *выговорить*” (210).

Глаголы *мочь* и *хотеть*, репрезентирующие совмещенную модальную семантику ‘возможность + желательность’, а также глагольно-именное сочетание *быть в силах* и глагол *скрывать*, актуализирующие частное значение интрасубъектной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, используемые Толстым для описания размышлений Анны по

поводу свидания с сыном по приезде в Петербург из Италии, раскрывают отсутствие у Анны доверия к Вронскому, ее одиночество в союзе с ним, подчеркивают пропасть непонимания, лежащую между героями. Ср.: „Горе ее было тем сильнее, что оно было одиноко. *Она не могла и не хотела поделиться* им с Вронским. [...] Она знала, что никогда *он не будет в силах понять* всей глубины ее страдания; она знала, что за его холодный тон при упоминании об этом она возненавидит его. И *она* боялась этого больше всего на свете и потому *скрывала* от него все, что касалось сына” (586).

Способность и желание Анны быть в союзе с Вронским только любовницей подчеркивают употребленный в словах автора в сцене описания жизни Анны и Вронского в деревне модификатор *ночь*, репрезентирующий семантику инвариантной интрасубъектной возможности, а также эксплицирующие совмещенное значение полей возможности и желательности модификаторы *ночь* и *хотеть*, входящие во внутренний предсмертный монолог Анны. Ср.: „Но главная забота ее все-таки была она сама – она сама, насколько она дорога Вронскому, насколько *она может заменить* для него все, что он оставил” (709); „Если б я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но *я не могу и не хочу быть ничем другим*. И я этим желанием возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе” (839–840).

Употребленный Вронским в разговоре с приехавшей в Воздвиженское Долли Облонской глагол *понимать*, имплицитно актуализирующий частное значение интрасубъектной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, передает неосознанность Анной необходимости юридического оформления брака с Вронским, подчеркивает отсутствие у нее чувства долга перед семьей. Ср.: „И завтра родится сын, мой сын, и он по закону – Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния [...]. Я пробовал говорить про это Анне. Это раздражает ее. *Она не понимает*, и я не могу ей высказать все” (691).

Толстой прибегает к помощи полифункционального глагола *ночь*, а также глагола *решиться*, репрезентирующего частное значение интрасубъектной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, чтобы подчеркнуть, что согласие Анны на получение развода у Каренина, продиктовано не чувством долга перед семьей, а ее эгоистическим желанием удержать Вронского. Ср.: „Точно так же как прежде, одною любовью и привлекательностью *она могла удержать* его. И так же как прежде, занятиями днем и морфином по ночам *она могла заглушить* страшные мысли о том, что будет, если он разлюбит ее. Правда,

было еще одно средство: не удерживать его, – для этого она не хотела ничего другого, кроме его любви, – но сблизиться с ним, быть в таком положении, чтоб он не покидал ее. Это средство было развод и брак. И она стала желать этого и *решилась согласиться* в первый же раз, как он или Стива заговорят ей об этом” (734).

На ощущение Анной ненависти к Вронскому указывает модификатор *мочь*, эксплицирующий значение ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’ Ср.: „Вчерашние чувства с новой болью защемили больное сердце. Она не могла понять теперь, как она могла унизиться до того, чтобы пробыть целый день с ним в его доме” (828). Глагол *хотеть*, реализующий двуполовое совмещенное значение ‘возможность + желательность’, содержащийся в авторской оценке поведения Анны во время ее разговора с Вронским и Яшвиным после одной из очередных ссор с Вронским, передает силу ненависти Анны. Ср.: „Она хотела сказать *Гельсингфорс*; но не хотела сказать слово, сказанное Вронским” (825).

Предикативы *нужно* и *надо*, эксплицирующие трехполюсное совмещенное значение ‘возможность + желательность + необходимость’, и имплицитно актуализирующие указанную семантику глаголы *доказать*, *скрыть*, *сказать* подчеркивают то, что Анна и в состоянии, и способна, и дает себе право, и хочет, и ощущает потребность отомстить за свои страдания Вронскому. Ср.: „[...] *Нужно* было одно – *наказать* его” (827); „[...] Как он будет горд и доволен, получив мою записку! Но я *докажу* ему...” (833); „Ужасно то, что нельзя вырвать с корнем прошедшего. Нельзя вырвать, но можно скрыть память о нем. И я *скрою*” (833); „Я сама поеду к нему. Прежде чем навсегда уехать, я *скажу* ему все” (837); „Да, *надо ехать* на станцию железной дороги, а если нет, то *поехать* туда и *уличить* его” (838).

Посредством введенных Толстым во внутренний предсмертный монолог Анны предикатива *надо*, безмодификаторного риторического вопроса, глаголов *наказать* и *избавиться*, реализующих сращенное значение полей возможности, желательности и необходимости, Толстой показывает, что самоубийство избирается Анной как способ мести Вронскому. Ср.: „И на то дан разум, чтоб *избавиться*; стало быть, *надо избавиться*. *Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на все это*” (843); „И я *накажу* его и *избавлюсь* от всех и от себя” (845).

Отношение Анны к детям. Имплицитно реализующие инвариантную интрасубъектную возможность глагольные лексемы *жить*, *променять*, *жаловаться* и *удовлетворяться*, введенные Толстым в отличающийся беспощадной правдивостью внутренний предсмертный монолог Анны,

одновременно показывают и переживаемое Анной горе от потери сына, и ее эгоистическую любовь к нему. Ср.: „Я тоже думала, что любила его [сына – С.В., И.О.], и умилялась над своею нежностью. А жила же я без него, променяла же его на другую любовь и не жаловалась на этот промен, пока удовлетворялась той любовью” (840).

„Промен” Анной сына на страсть к Вронскому ярко выражается через оппозицию всего лишь одного экспликатора положительной возможности совершить действие (а именно бросить сына ради любовника) и семи экспликаторов отрицательной возможности выполнить указанное действие в сценах, описывающих внутреннее состояние и размышления Анны перед разговором с Вронским в саду у Вреде. Экспликатор положительной возможности представлен реализующей значение интра-экстрасубъектной комбинаторности главной частью сложноподчиненного предложения с придаточным условным. Ср.: „Если он [Вронский – С.В., И.О.] при этом известии [о сообщении Анной мужу о беременности – С.В., И.О.] решительно, страстно, без минуты колебания скажет ей: » Брось все и беги со мной!« – она бросит сына и уйдет с ним” (348–349). Экспликаторы отрицательной возможности выражены глаголами *мочь*, *бросить* и глагольно-именным сочетанием *быть не в силах*, актуализирующими значение ‘не быть в состоянии выполнить действие’, а также глаголом *мочь*, репрезентирующим двуполевую совмещенность ‘возможность + желательность’. Ср.: „В какое бы положение она ни стала, она не может покинуть сына. [...] Она не может оставить сына. У ней есть цель жизни” (320); „Я не знаю законов и потому не знаю, с кем из родителей должен быть сын; но я беру его с собой, потому что без него я не могу жить” (322); „Я не брошу сына, не могу бросить сына [...] бросив сына и убежав от него, я поступлю, как самая позорная, гадкая женщина [...] я не в силах буду сделать этого” (324); „Она не в силах будет пренебречь своим положением, бросить сына и соединиться с любовником” (348).

Прибегая к помощи экспликаторов интрасубъектной возможности, автор концентрирует внимание не на чувствах ребенка во время свидания с бросившей его матерью, а на страданиях самой Анны, что чрезвычайно наглядно указывает на эгоистическую любовь Анны к сыну. Ср.: „Она не приготовила только тех слов, которые она скажет сыну. Сколько она ни думала об этом, она ничего не могла придумать” (586); „Она не слышала его слов [помощника швейцара – С.В., И.О.] и ничего не отвечала” (587); „Она [...] не могла ничего говорить; слезы душили ее” (589); „»Как ты одеваешься без меня? Как...« – хотела она начать говорить просто и весело, но не могла и опять отвернулась” (589); „Она не могла сказать

прощай, но выражение ее лица сказало это [...] »Ты не забудешь меня? Ты...« – но больше *она не могла говорить*. Сколько потом она придумывала слов, которые она могла сказать ему! А теперь *она ничего не умела и не могла сказать*» (591).

Модификатор *успеть*, эксплицирующий значение интра-экстрасубъектной комбинаторности, также подчеркивает эгоистическую сосредоточенность Анны на собственных чувствах, а не на внимании к чувствам сына. Ср.: „*Она не успела и вынуть* и так и привезла домой те игрушки, которые она с такою любовью и грустью выбирала вчера в лавке” (592).

Полифункциональный модификатор *мочь*, используемый в авторской характеристике Анны, указывает на отсутствие у нее любви к дочери, на неспособность Анны быть для своей дочери матерью в полном смысле этого слова. Ср.: „Как она ни старалась, *она не могла любить* эту девочку, а *притворяться* в любви *она не могла*” (734); „*Анна хотела достать* девочке ее игрушки и *не могла найти* ее” (682).

Глагол *мочь*, риторические вопросы как экспликаторы двуполевого совмещенного значения ‘возможность + желательность’, введенные Толстым в прямую речь Анны, передают осознание ею ответственности и долга лишь перед будущими возможными детьми, тогда как об ответственности за дочь нет и слова. Ср.: „*Как я могу желать* детей? [...] Подумай, кто будут мои дети? Несчастные дети, которые будут носить чужое имя” (703); „Зачем же мне дан разум, если я не употреблю его на то, чтобы не производить на свет несчастных?” (704); „Для тебя вопрос: желаешь ли ты [Долли – С.В., И.О.] не иметь более детей, а для меня: желаю ли иметь я их. И это большая разница. Понимаешь, что *я не могу* этого *желать* в моем положении” (704).

Итак, проведенный анализ показывает, что экспликаторы модального значения возможности, являясь одним из системообразующих средств авторской модальности, во многом способствуют раскрытию негативных, разрушающих сил, противоречащих христианским и общечеловеческим представлениям о семье и семейном счастье: ложь, нелюбовь, безграничное подчинение страсти, ненависть, потребность мести, отсутствие чувства долга, бессердечность к детям, эгоизм, месть и наконец смерть. Будучи носителем указанных разрушительных сил, Анна Каренина несется в пропасть к своему трагическому концу, где ее ждет Верховный Суд „всевластной руки Господа”⁸: „Мне отмщение, и аз воздам”.

⁸ Новый завет. Восстановительный перевод. Служение „Живой поток” и Уитнесс Ли, Анахайм 1998, с. 688.

Streszczenie

Środki modalne eksplicacji „myśli rodzinnej” w powieści Lwa Tolstoja „Anna Karenina”

W artykule rozpatrywane są funkcje tekstowe określonych środków językowych, które w powieści *Anna Karenina* Lwa Tolstoja służą do wyrażania modalnego znaczenia możliwości (znaczenie to jest jednym z eksplikatorów modalności autorskiej). Podjęto także próbę ustalenia specyfiki funkcjonalnej tych środków, stanowiących o systemie wartości zarówno tytułowej bohaterki, jak też jej bliskich (dzieci, męża, Wrońskiego). Oddzielnie rozważa się rolę środków modalnych w dynamice kształtowania się negatywnych zmian w psychice bohaterki – jej poglądy na życie w sposób istotny odbiegają od tzw. myśli rodzinnej, promowanej przez autora powieści i akceptowanej przez czytelnika.

Summary

Modal means expressing „family ideas” in Leo Tolstoy’s novel „Anna Karenina”

Text function of multi-leveled language means expressing the modal meaning of possibility as one of the explicators of the author’s modality in Leo Tolstoy’s novel *Anna Karenina* is considered in the article.

The authors determine functional specificity of the given means in revealing the valuable aspects of the heroes of the novel *Anna Karenina*, ruining the main heroine and influencing severely the people close to her: children, husband and Vronsky. The article traces the role of the modal means in showing the dynamics of formation and spiritual negative transformation of vital views of the heroine contrasting to the „family ideas” of the author of the novel and accepted by his readers.